

УДК 821.163.6'37

DOI 10.26293/chgpu.2019.103.3.001

А. Г. Бодрова

**АРХЕТИП МАТЕРИ В СЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИВАНА ЦАНКАРА И ЗОФКИ КВЕДЕР)**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Архетип матери занимает центральное место в словенской культуре во многом благодаря его воплощению в женских литературных персонажах национальным классиком И. Цанкаром. В его произведениях часто появляется идеализированный образ матери, при этом он соотносится как с матерью нации, так и с Богоматерью. В сочинениях указанного автора наблюдается стремление к генерализации этого повторяющегося образа и проецирование архетипа Великой Матери на конкретную автобиографическую фигуру матери.

Новое преломление данного образа обнаруживается в текстах писательницы З. Кведер, в которых очевидна дифференциация материнских персонажей, предстающих в разных ролях (от любящей матери до матери-детоубийцы), сопоставимых с различными ипостасями исследуемого архетипа.

Ключевые слова: *архетип матери, образ матери, Великая Мать, мать нации, словенская литература, Иван Цанкар, Зофка Кведер.*

A. G. Bodrova

**MOTHER ARCHETYPE IN SLOVENIAN LITERATURE
(BASED ON THE WORKS OF IVAN CANKAR AND ZOFKA KVEDER)**

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The mother archetype is central to Slovenian culture, largely due to its embodiment in female literary characters by the national classical writer Ivan Cankar. There often appears an idealized figure of the mother in his works, and it correlates with both the mother of the nation and the Mother of God. In the works of Cankar, there is a trend to generalize this recurring image and project the Great Mother archetype on a specific autobiographical figure of the mother.

In the texts of the writer Zofka Kveder, there can be found a new interpretation of this image, and the variety of mother characters (from a loving mother to a child-murderer), which could be compared to various images of the discussed archetype.

Keywords: *mother archetype, image of mother, Great Mother, mother of the nation, Slovenian literature, Ivan Cankar, Zofka Kveder.*

Актуальность исследуемой проблемы. Архетип матери является одним из самых значимых в культуре и литературе, в том числе и в словенской. Проекция данного архетипа на автобиографические персонажи, предложенная словенским писателем И. Цанкаром (1876–1918), носит новаторский характер. Образ матери, созданный им, продолжает вызывать споры исследователей и в XXI в. Своеобразную трансформацию этого образа мы обнаруживаем в материнских персонажах словенской писательницы З. Кведер (1878–1926). В статье предпринят компаративистский анализ способов воплощения архетипа матери в произведениях этих двух авторов.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили произведения И. Цанкара – роман «На крутой дороге» («Na klancu», 1902), повесть «Грешник Ленарт» («Grešnik Lenart», 1915), цикл рассказов «Видения» («Podobe iz sanj», 1917); и З. Кведер – новелла «В клинике» («Na kliniki», 1906), роман «Ее жизнь» («Njeno življenje», 1914), сборник рассказов «Владка, Митка, Мирица» («Vladka, Mitka, Mirica», 1928). Применялись культурно-исторический подход, психоаналитический и компаративистский методы, текстуальный анализ с элементами «пристального чтения».

Результаты исследований и их обсуждение. Особенности одного из важнейших архетипов культуры – матери – не перестают занимать умы ученых XXI в. Анализ специфики образа матери в словенской литературе показал, что он восходит к юнгианскому архетипу [7], [8], который проецируется на материнские персонажи, созданные И. Цанкаром в первой трети XX в. Данный образ укоренился в национальном сознании и культуре (в том числе и массовой), превратился в нарицательное понятие. Возможно, ни в одной другой культуре ему не найдется полного соответствия.

Словенский ученый Д. Пирьевец еще в 60-е гг. XX в. отмечал уникальный характер обращения писателя к фигуре матери: «Общезвестно, какое исключительное место занимает образ матери в творчестве Цанкара, вероятно, необходимо согласиться с мнением, что такого отношения к матери мы не встретим ни у одного европейского автора того времени» [21, с. 436]. Без сомнения, данное утверждение требует пристального внимания исследователей различных национальных культур. Какова специфика воплощения архетипа матери в персонажах той или иной национальной культуры? Какова его роль в формировании национальной идентичности?

Прежде чем обратиться к исследованию архетипа матери, стоит вкратце представить двух авторов (И. Цанкара и З. Кведер), произведения которых анализируются в данной статье. Оба родились в словенских землях Австро-Венгрии и жили приблизительно в один и тот же период (конец XIX – первая треть XX в.).

И. Цанкар – классик словенской литературы [1]. В культурном пространстве Словении продолжается процесс его канонизации. 2018 г. (год столетия смерти писателя) в этой стране был объявлен Годом И. Цанкара, что стало поводом для привлечения особого внимания к национальному классику. В это время наблюдается настоящий «цанкаровский бум» в науке (конференции, монографии), культурной жизни (выставки, лекции, съемка двух фильмов об И. Цанкаре, создание нескольких комиксов по мотивам его произведений и фактам из его биографии), средствах массовой информации (статьи, передачи о нем). Особо хотелось бы отметить проект Центра словенского языка как иностранного, организовавшего «Всемирные дни Ивана Цанкара» в университетах, в которых изучается словенский язык. В связи с этим была подготовлена антология произведений И. Цанкара и отрывков из них, переведенных на 21 иностранный язык. В роли переводчиков и интерпретаторов нового поколения выступили студенты-словенисты со всего мира [13].

Вторая фигура, находящаяся в фокусе внимания данного исследования, – писательница З. Кведер. Она создавала литературные тексты на трех языках (словенском, хорват-

ском и немецком), что, безусловно, свидетельствует о ее одаренности. Если И. Цанкар был первым профессиональным писателем, зарабатывавшим на жизнь исключительно писательским трудом, то З. Кведер является первой женщиной-автором, получавшей гонорары как от писательства, так и от редакторской работы. Она была первой переводчицей на немецкий язык произведений И. Цанкара.

З. Кведер и И. Цанкар были друзьями, частично сохранилась их переписка (1900–1914). Он писал ей из г. Вены, а она ему – из г. Праги, где жила с 1900 по 1906 гг., а затем из г. Загреба (туда она переехала вместе со своим первым мужем, поэтом В. Еловшеком). Их письма свидетельствуют о том, что у них были искренние и открытые отношения.

Так, З. Кведер пишет И. Цанкару: «Знаешь, я тебя люблю, потому что ты такой мечтатель» [10, с. 211]. А он ей в одном из посланий признается, что вновь ищет утешения в алкоголе: «Я пью шнапс!.. И если это не поможет, то помощи больше ждать неоткуда! Аминь» [14, с. 590]. В другом письме И. Цанкар описывает, как ночью проводил время в трактире, передает ей привет от своей невесты Штефи и подписывается: «Иван Цанкар, пьяница» [14, с. 590–591].

Они обсуждали не только свою частную жизнь (сохранилось, к примеру, письмо, в котором И. Цанкар поздравляет З. Кведер с рождением ее дочери), но и проблемы литературного творчества. Писательница преклонялась перед его талантом, и он, в свою очередь, высоко ценил ее тексты, иногда давал ей рекомендации. Например, однажды И. Цанкар так прокомментировал ее грамматическую ошибку: «Зофка, что ты делаешь со словенской грамматикой? ... Газета издается, а не издавается (*List se izdaje in ne izdava*). Откуда ты взяла этот суффикс *avati*?» [14, с. 576]. Он как-то посоветовал, что если она не уверена в качестве своего текста, то пусть подписывает псевдонимом.

Оба, каждый по-своему революционер в области словесности, подвергались нападкам критиков и поддерживали друг друга в борьбе на литературном поле. З. Кведер десять лет (1904–1914) была редактором журнала «Домачи приятель», в котором часто публиковала сочинения И. Цанкара. Благодаря ее содействию в г. Праге в 1905 г. была поставлена его пьеса «На благо народа» («*Za narodov blagor*», 1901), и это на год раньше, чем в г. Любляне.

В жизни они встречались редко. Впервые З. Кведер увидела И. Цанкара в 1902 г. в г. Вене, потом приезжала к нему еще несколько раз (в г. Вену, затем и в г. Любляну). Литературные и личные контакты этих двух авторов исследуются в работах К. Михурко-Пониж [20], А. Йенстерле-Долежал [16], С. Боровник [10], [11], [12], которые сформулировали проблему, не потерявшую и поныне своей актуальности. Если И. Цанкар рассматривается в контексте модерна, то З. Кведер считается представительницей натурализма. Иногда в научных трудах только вскользь упоминается влияние первого на вторую (еще реже наоборот – об ее воздействии на него). До сих пор не было ни одного серьезного сопоставительного исследования текстов этих двух авторов эпохи модерна, с присущим ему кризисом субъекта и индивидуализмом [10, с. 207]; необходимо изучение произведений З. Кведер в контексте модерна.

Созданный И. Цанкаром образ матери стал каноническим для всей словенской культуры XX–XXI вв. Материнский персонаж занимает центральное место в его творчестве, поэтому тема матери в его сочинениях интересует многих словенских ученых и получает совершенно разные интерпретации. Долгое время у биографов писателя и исследователей его текстов было распространено представление, что основной интенцией автора было возвеличивание матери. Так, Л. Крайгер в своей посвященной его жизни и творчеству книге писал: «Цанкар поставил памятник своей матери. А она была символом его родины. Так же, как страдала мать на нагорной улице, так погибала вся Словения от одного конца до другого на нагорной улице – „и народ холопов жил на нагорной улице”. В образе Францки [персонаж романа И. Цанкара «На крутой дороге». – А. Б.] автор

воплотил не только тему самоотверженной материнской любви, но и трагизм участи словенского народа, для которого уготована только одна дорога: от нищенского детства – на улицу бедняков, а „с улицы бедняков – в могилу”» [17, с. 244].

Тему «воздвижения памятника» критики и ученые подхватили у самого И. Цанкара, так как в письме к своей возлюбленной А. Лушин он заявил о романе «На крутой дороге»: «Это памятник моей матери – такого памятника не было ни у одной матери в мире. Я его поставил с большой любовью» [15, с. 355]. Данное мнение стало общим в цанкароведении. Бесспорно, можно интерпретировать образ Францки как позитивный, идеальный или называть ее «матерью словенской нации» (как это делает исследовательница А. Йенстерле-Долежал [16, с. 117]). Однако И. Авсеник-Набергой полагает, что при более глубоко прочтении возможна иная оценка этого образа матери. В романе «На крутой дороге» муж отправляется на заработки по вине собственной жены, неспособной его понастоящему полюбить, – Францка жалела, а не любила его:

«Куда ушел твой муж, который любил тебя и которого ты любила? Ты не удержала его за руку, выпустила его, потому что любила слишком мало, потому что любовь твоя была слишком слаба для того, чтобы охватить его крепкими руками и удержать. Он ушел, как бездомный бродяга, и затерялся, и умер среди чужих людей; не было никого, кто бы сказал ему ласковое слово в последний час и закрыл глаза.

Куда ушел твой сын? Помнишь, как вы подымались в гору по пустынной дороге и он глядел в землю и не мог слова сказать от великого горя, лежавшего на сердце. Он ушел, как осужденный на смерть, и отправился вслед за отцом – затерялся и умер среди чужих людей.

Где твоя дочь, которая была еще так мала и слаба, когда ты вытолкнула ее из дома к чужим людям, где она затеряется и погибнет?

Где твой сын, который вышел в дорогу с такой надеждой и затерялся в мире, как клочок бумаги, подхваченный ветром?

Где все, кто любил тебя и кого ты любила? Ушли и никогда не вернуться...» [6, с. 128].

По мнению И. Авсеник-Набергой, именно эти слова писатель и боялся высказать своей матери. Она поясняет: «на самом деле он [И. Цанкар. – А. Б.] не мог полностью принять свою мать и боялся ее. В этом контексте ... „памятник” означает его желание раз и навсегда ее похоронить и начать жить свободной жизнью» [9, с. 118]. В своих размышлениях И. Авсеник-Набергой опирается на точку зрения известного словенского философа С. Жижека, полагавшего, что при жизни мать обременяла классика комплексом вины и душила его своими страданиями: «Все цанкаровские бесконечные литании, молебные воззвания к матери скрывают и этим симптоматически указывают на факт бесконечного облегчения, на то, что он освободился от матери, и являются невротическим заклинанием, чтобы мать никогда больше не вернулась» [23, с. 206], [см. об амбивалентном характере цанкаровского образа матери: 2, с. 29–31].

Существуют и другие интерпретации этого образа. Понятие «цанкаровская мать» («cankarjanska/cankarjeva mati») в словенской культуре приобрело нарицательный характер, став символом жертвенной и вместе с тем удушающей материнской любви. Социолог К. Видмар-Хорват анализирует феномен цанкаровской матери в культурном контексте национального социума: «...подавляет дух словенского коллектива, с тех пор как ее литературный образ ... стал неотъемлемой частью школьной программы, а также культурного канона нации...» [22].

Стоит отметить, что цанкаровские материнские персонажи автобиографичны, появляются во многих его прозаических и драматических произведениях. Вероятно, ни один европейский автор не уделял такого пристального внимания разработке образа матери, как И. Цанкар. Русскоязычные читатели могут вспомнить в первую очередь «Мать»

М. Горького¹, однако этот образ матери не столь значим в общем контексте его творчества, как у словенского классика, у которого он переходит из одной книги в другую и трансформируется в направлении возвеличивания и сакрализации. Если в своих ранних произведениях, например, в романе «На крутой дороге» (1902), И. Цанкар создает образ простой деревенской женщины, жертвующей собой ради детей, то позднее писатель отводит матери роль судьбы и совести главного персонажа, ставит ее по значимости в один ряд с Родиной и Богом, к примеру, в цикле рассказов «Видения» (1917).

В автобиографической повести «Грешник Ленарт» (1915) образ матери сливается с образом Богоматери. Главный герой Ленарт видит сон, в котором он, желая очистить свою душу и найти утешение, поднимается на Святую Гору, преодолевая соблазны и препятствия на своем пути. Оказавшись у закрытой церкви девы Марии, он иступленно стучится в дверь, и, наконец, перед ним в своем сияющем облике предстает Богоматерь, напоминая его собственную мать. Образ Богоматери из сна говорит на языке матери автобиографического героя, однако ее поведение абсолютно несвойственно реальной матери. Так, например, она целует Ленарта в лоб, хотя И. Цанкар в нескольких автобиографических произведениях рассказывает о том, что в их семье было не принято открыто выражать свою любовь и что мать стеснялась целовать своего сына. Вероятно, в данном эпизоде, как и в других текстах, воплощен идеал матери, о которой грезил автор.

В произведениях И. Цанкара, особенно в более поздних, присутствует интенция примирить все противоречия материнского образа, чья связь с Богоматерью очевидна. Весьма продуктивным представляется соотнести цанкаровскую мать с архетипом Великой Матери (Magna Mater по К. Г. Юнгу и Э. Нойманну [5]), который объемнее Богоматери, вмещает в себя и позитивные, и негативные характеристики (так называемую «хорошую» и «плохую» мать, данная проблематика разработана среди прочего в работах М. Кляйн [3]). В текстах И. Цанкара, особенно в «Грешнике Ленарте», можно наблюдать процесс проецирования архетипа Великой Матери на конкретную мать. Вместе с тем присутствует его стремление к синтезу, генерализации, интенции свести материнских персонажей к одному образу, вмещающему в себе различные ипостаси. Примечательно, что исследователи [9], [22], [23], негативно оценивающие цанкаровскую мать, видели в ней именно тип «плохой» матери нации.

У писательницы З. Кведер наблюдается другая ситуация. Стоит отметить, что она была феминисткой и в своем творчестве очень часто обращалась к женскому вопросу. В ее произведениях представлены женские персонажи в бóльшем разнообразии, чем у И. Цанкара, хотя он и создал революционные для своего времени образы, например, госпожа Юдит в одноименном романе («Gospa Judit», 1904). В текстах З. Кведер часто присутствует и фигура матери. Этот образ создавался в диалоге с творчеством И. Цанкара, а также на основе автобиографического опыта (у нее были сложные отношения с матерью, сама З. Кведер была матерью трех дочерей).

В сочинениях обоих исследуемых авторов фигурируют в основном матери из социальных низов. Обратимся и к другим схожим у двух писателей мотивам: жертвенной материнской любви и образу сильной матери, на плечи которой легла забота о всей семье, поскольку ее муж оказался неспособным выполнять отведенную патриархальным обществом роль кормильца семьи (Тильда из романа З. Кведер «Ее жизнь» [18] и Францка из романа И. Цанкара «На крутой дороге», который З. Кведер перевела на немецкий язык («Am Steilweg», 1903)).

У обоих упомянутых материнских персонажей наблюдается проблема отношений в семье: Францка – нелюбимая дочь и потом жена пьющего мужа, у Тильды тоже муж-пьяница. Однако есть и два важных отличия: Тильда – из благополучной семьи; сыновья Францки и Тильды в итоге оказываются разными. Лойзе (автобиографический двойник

¹ О разработке образа матери в русской поэзии см., например: [4].

И. Цанкара), сын Францки, – воплощение ее надежд. Райко (сын Тильды) сначала, как и Лойзе, подавал большие надежды (прекрасно учился, был внешне похож на дедушку, ее отца, а не на мужа-неудачника), однако впоследствии она убеждается, что он по характеру все больше походит на своего отца. В итоге он ворует у их служанки деньги, которые та копила всю свою жизнь.

Теперь обратимся еще к двум общим моментам. Недоговоренность присутствует в отношениях обеих женщин: Тильда не может сказать родителям, что у нее в семье кризис; Францка тоже часто молчит и только плачет. Обе героини переживают смерти своих детей (у Тильды умирают четверо детей, у Францки – двое). Исследовательница К. Михурко-Понич связывает образ Тильды, страдающей над телом умершего ребенка, с образом Девы Марии, а именно с ипостасью Матери Скорбящей (*Mater Dolorosa*) [20, с. 92].

Однако если Францка становится символом всего словенского народа (матерью нации, которая соотносится с русской Родиной-Матерью и французской Марианной), то Тильда предстает в разных ролях: это и любящая дочь, переживающая смерть своей матери, и заботливая мать, готовая жертвовать почти всем ради своего сына. Однако в финале Тильда становится детоубийцей: в отчаянии убивает уже взрослого сына, а затем кончает жизнь самоубийством. Для нее убийство становится единственным выходом¹.

Мотив убийства детей собственными матерями довольно часто встречается в европейской культуре и литературе, например, в «Фаусте» И. В. Гете (Маргарита). Самой известной детоубийцей в литературе является Медея. У З. Кведер, в отличие от Еврипида и Сенеки, мать убивает ребенка не из чувства мести, а из отчаяния, вызванного ее безвыходным положением в патриархальном обществе. Ее сын не оправдал надежд и совершил бесчестный поступок – ее жизнь утратила смысл. Получается, что, по мнению феминистки З. Кведер, Медейей женщина становится из-за социальной ситуации. В других текстах писательница еще больше подчеркивает социальную проблематику детоубийства. Например, в рассказе «В клинике» брошенная женщина, оказавшись без средств к существованию и осознав, что не сможет одна вырастить ребенка, впадает в отчаяние и, еще находясь в роддоме, убивает своего младенца. Дальнейшее развитие мотива Медеи в феминистском ключе происходит в романе немецкой писательницы второй половины XX в. К. Вольф «Медея. Голоса» (1996). По ее версии, это положительный персонаж, жертва патриархального общества, оклеветанная властью имущими, боящимися потерять свою власть; своих сыновей она на самом деле не убивает.

Позитивный образ любящей матери мы встречаем в сборнике автобиографических рассказов «Владка, Митка, Мирица», посвященных собственным дочерям [19].

Стоит отметить, что в произведениях З. Кведер образ матери дифференцируется, представлены разные ипостаси матери (от любящей до жестокой), затронуты разнообразные аспекты, связанные с материнством: беременность, роды, воспитание детей и т. д.

Материнские фигуры З. Кведер намного более вариативны, чем у И. Цанкара. В основу текстов обоих писателей лег автобиографический опыт, при этом совершенно очевидно, что более разнообразен дочерне-материнский у З. Кведер, которая также более детально прорабатывает многочисленные женские биографии. У И. Цанкара «темная» сто-

---

¹ Исследователи творчества З. Кведер упоминают роман Г. де Мопассана «Жизнь» («*Une vie*», 1883), в котором тоже присутствует мотив разочарования матери в сыне, хотя его главная героиня Жанн не убивает своего непутевого сына, погрязшего в долгах. В данной ситуации можно говорить о типологическом сходстве двух произведений (З. Кведер и Г. де Мопассана), так как не сохранилось сведений о том, читала ли писательница его. Похожая история, но без кровавого финала, была известна З. Кведер от подруги, сын которой, как и многие словенцы того времени, уехал учиться в г. Вену, но вместо учебы занялся азартными играми, увлекся ими и растратил огромную сумму, приведя семью к финансовому краху.

рона образа матери далеко не так очевидна, как у З. Кведер; однако метод «пристального чтения» («close reading») позволяет увидеть в автобиографическом персонаже матери в его текстах не только святую-мученицу.

Резюме. Таким образом, З. Кведер дифференцирует образ матери, а И. Цанкар его генерализирует, при этом у обоих авторов материнские персонажи, во всяком случае в своей совокупности, соотносимы с архетипом Великой Матери, вмещающей в себя разные ипостаси Богини: как созидательные, так и разрушительные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрова А. Г.* Автобиографическая проза Ивана Цанкара. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2010. – 160 с.
2. *Бодрова А. Г.* Иван Цанкар – словенский писатель на перекрестке культур и создатель национальной идентичности // Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Бодрова А. Г., Бразговская Е. Е., Князькова В. С., Котова М. Ю. и др. ; отв. ред. Котова М. Ю. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 18–32.
3. *Кляйн М.* Развитие в психоанализе. – М. : Академический проект, 2001. – 512 с.
4. *Мелексетян М. В.* Образ матери в русской поэзии XX века: А. Блок, А. Ахматова, А. Твардовский : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2009. – 161 с.
5. *Нойманн Э.* Великая мать. – М. : Добросвет, 2012. – 406 с.
6. *Цанкар И.* Избранное : в 2 т. Т. 2. – М. : Художественная литература, 1981. – 494 с.
7. *Юнг К. Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. – Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
8. *Юнг К. Г.* Очерки по психологии бессознательного. – 2-е изд. – М. : Когито-Центр, 2010. – 352 с.
9. *Avsenik-Nabergoy I.* Ljubezen in krivda v očeh Ivana Cankarja. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 2005. – 794 s.
10. *Borovnik S.* Literarno prijateljstvo med Ivanom Cankarjem in Zofko Kveder // Ivan Cankar v medkulturnem prostoru. Ob stoti obletnici Cankarjeve smrti. – Maribor : Univerzitetna založba Univerze v Mariboru, 2018. – S. 205–214.
11. *Borovnik S.* Pišejo ženske drugače?: o Slovenkah kot pisateljicah in literarnih likih. – Ljubljana : Mihelač, 1995. – 277 s.
12. *Borovnik S.* Uporništvo ženskih likov v prozi Zofki Kveder // Jezik in slovstvo. – 2007. – № 5(52). – S. 53–62.
13. *Cankar I.* Antologija literature Ivana Cankarja s prevodi v tuje jezike. – Ljubljana : Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2018. – 540 s.
14. *Cankar I.* Pisma Ivana Cankarja. Drugi del. – Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1967. – 524 s.
15. *Cankar I.* Zbrano delo. Zv. XXVII. – Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1971. – 505 s.
16. *Jensterle-Doležal A.* Mitologizacija ženske v Cankarjevi prozi // Obdobja 21. Zbornik. – Ljubljana, 2003. – S. 109–117.
17. *Krajger L.* Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj. V 2 zvezkih. Zv. 1. – Ljubljana : Cankarjeva založba, 1954. – 739 s.
18. *Kveder Z.* Njeno življenje. – Ljubljana : DZS, 2004. – 337 s.
19. *Kvedrova Z.* Vladka, Mitka, Mirica. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 1978. – 273 s.
20. *Mihurko-Poniž K.* Drzno drugačna: Zofka Kveder in podobe ženskosti. – Ljubljana : Delta, 2003. – 242 s.
21. *Pirjevec D.* Ivan Cankar in evropska literatura. – Ljubljana : Cankarjeva založba, 1964. – 489 s.
22. *Vidmar-Horvat K.* No, razčistimo že s Cankarjem! // Delo. 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html>.
23. *Žižek S.* Dva aspekta // Problemi. Razprave. – 1978. – № 177–180. – S. 205–209.

Статья поступила в редакцию 18.06.2019

REFERENCES

1. *Bodrova A. G.* Avtobiografičeskaya proza Ivana Cankara. – Spb. : Izd-vo SPbGU, 2010. – 160 s.
2. *Bodrova A. G.* Ivan Cankar – slovenskij pisatel' na perekrestke kul'tur i sozdatel' nacional'noj identičnosti // *Segmenty identičnosti v tvorčestve zarubežnyh slavyanskih pisatelej* / Bodrova A. G., Brazgovskaya E. E., Knyaz'kova V. S., Kotova M. Yu. i dr. ; otv. red. Kotova M. Yu. – SPb. : Izd-vo SPbGU, 2014. – S. 18–32.
3. *Klyajn M.* Razvitie v psihoanalize. – M. : Akademicheskij proekt, 2001. – 512 s.
4. *Meleksetyan M. V.* Obraz materi v russkoj poezii XX veka: A. Blok, A. Ahmatova, A. Tvardovskij : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. – M., 2009. – 161 s.
5. *Nojmann E.* Velikaya mat'. – M. : Dobrosvet, 2012. – 406 s.
6. *Cankar I.* Izbrannoe : v 2 t. T. 2. – M. : Hudožhestvennaya literatura, 1981. – 494 s.
7. *Yung K. G.* Dusha i mif. Shest' arhetipov. – Kiev : Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshhestva, 1996. – 384 s.
8. *Yung K. G.* Očerki po psihologii bessozdatel'nogo. – 2-e izd. – M. : Kogito-Centr, 2010. – 352 s.
9. *Arsenik-Nabergoy I.* Ljubezen in krivda v očeh Ivana Cankarja. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 2005. – 794 s.
10. *Borovnik S.* Literarno prijateljstvo med Ivanom Cankarjem in Zofko Kveder // *Ivan Cankar v medkulturnem prostoru. Ob stoti obletnici Cankarjeve smrti.* – Maribor : Univerzitetna založba Univerze v Mariboru, 2018. – S. 205–214.
11. *Borovnik S.* Pišejo ženske drugače?: o Slovenkah kot pisateljicah in literarnih likih. – Ljubljana : Mihelač, 1995. – 277 s.
12. *Borovnik S.* Uporništvo ženskih likov v prozi Zofki Kveder // *Jezik in slovstvo.* – 2007. – № 5(52). – S. 53–62.
13. *Cankar I.* Antologija literature Ivana Cankarja s prevodi v tuje jezike. – Ljubljana : Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2018. – 540 s.
14. *Cankar I.* Pisma Ivana Cankarja. Drugi del. – Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1967. – 524 s.
15. *Cankar I.* Zbrano delo. Zv. XXVII. – Ljubljana : Državna založba Slovenije, 1971. – 505 s.
16. *Jensterle-Doležal A.* Mitologizacija ženske v Cankarjevi prozi // *Obdobja 21. Zbornik.* – Ljubljana, 2003. – S. 109–117.
17. *Krajger L.* Ivan Cankar. Študije o njegovem delu in življenju, spomini nanj. V 2 zvezkih. Zv. 1. – Ljubljana : Cankarjeva založba, 1954. – 739 s.
18. *Kveder Z.* Njeno življenje. – Ljubljana : DZS, 2004. – 337 s.
19. *Kvedrova Z.* Vladka, Mitka, Mirica. – Ljubljana : Mladinska knjiga, 1978. – 273 s.
20. *Mihurko-Poniž K.* Drzno drugačna: Zofka Kveder in podobe ženskosti. – Ljubljana : Delta, 2003. – 242 s.
21. *Pirjevec D.* Ivan Cankar in evropska literatura. – Ljubljana : Cankarjeva založba, 1964. – 489 s.
22. *Vidmar-Horvat K.* No, razčistimo že s Cankarjem! // *Delo.* 01.02.2013. URL: <http://www.delo.si/mnenja/gostujoce-pero/no-razcistimo-ze-s-cankarjem.html>.
23. *Žižek S.* Dva aspekta // *Problemi. Razprave.* – 1978. – № 177–180. – S. 205–209.

The article was contributed on June 18, 2019

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00754 А)

Сведения об авторе

Бодрова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: a.bodrova@spbu.ru

Author information

Bodrova, Anna Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: a.bodrova@spbu.ru